

Пищик (Рудченко) Віра Федорівна

Запис інтерв'ю: с. Івот, 22 вересня 2010 року

Інтерв'юер: Наталія Кондратцева

Оператор: Микола Парамонов

Присутні: Ірина Володимирівна Куц, син Віри Федорівни – Михайло Михайлович

Пищик, його дружина Людмила і їх родичі – подружня пара із Чернігова.

Транскрипт: Ярина Сочка

- **00.46.** Родилася я в с. Івот Шосткинського району Сумської області. Родилась в семье, отец и мать. Отец був на фронті, на яком-то, видно в 18 году, и пришел немножко раненый. Мать.. У матери було четверо детей, в том числе и я. Було годик мне, когда умерла мать. А отец взял еще мачуху, жинку себе. Пол года пожив, и он умер. И я осталася сиротой. Забрал дядя мой меня, моей матери брат. Не було у них детей, и они взяли нас, усыновили. Нас осталось трое – я, братик и старшая моя сестра. На семь лет була старше. Брат на два годика. Брат умер, годов два наверно пожив, и умер. Я осталася. Ну от жила. Конечно, спасибо им, нельзя сказать, что меня обижали, но, не мать и не отец. Жила як кажут: ни бьют, ни лают, и добра не желают. Но не обижали, нельзя было обижаться. Дожила до того уже, в школу уже ходила, семь классов кончила. Семь классов кончила, и куда? Был близко колхоз, контора.. Надо было куда-то. Дак, уборщицою була. Побыла уборщицою, ну, там

работали девочки, и я присматривалась-присматривалась, потом девушка одна ушла, и мне предложили табельщицею быть. Ну и была я табельщицею. И была я долго-долго... Образовался у нас в Ивоте МТС (машино-тракторная станция). И директор пришел до нас у контору, и каже: ты бы не пошла б.. вот нам надо человек туда. А там у колхозе робили за палочки, не було ничего, трудодни були. А ми будем деньги платить. Ну там и платили в то время ж конечно, 37 рублей було. Пойду, хоть 37 рублей. Пошла я туда, забрали они меня, тут же в нас на Ивоте. Пошла я, работала, и год, наверно, я поработала, 40-ый год.. и началась война.

— *Помните как началась война?*

— **04.18.** Началась война, в 41, в июле началась война, а в следующем году, в 42 году, в мае месяце, пришла повестка, в Германию. Явиться на сборный пункт для отправки в Германию, взять себе котелок, ложку и на три дня продуктов питания. Дак я у дяди була, жалели дуже.. У кого булы батько да маты, дак сухари сушили, готовили щось там ище лучше. А мне так, аби вже выпроводить.. Ну, я взяла пошла у... була община, и пошла туда до старосты, ну и кажу, ну що, мене отправят в Германию, а приеду, у мене ж никого, ничего нема... куда я явлюся? А мени ответили: это хорошо, что у тебе нема никого, не буде никто плакать за тобой.

— *Это вам староста сказал?*

— Это староста так ответил.

— *А вы помните, как старосту звали?*

— Пойдите... Федор (*вспоминает*) .. Отчество не скажу. Фамилию знаю - Вонька Федор.

— *Вонька Федор, да?*

— **05.58.** Вонька Федор. Да, это староста был... Но он тогда ж... рассказывают, как немцы уже отступали, дак и он уехал туды кудысь. В Австрию чи в Австралию, не знаю. Это хорошо, каже... не буде никто плакати. Ну от, я завернулась домой, пришла домой, а назавтра отправка уже. Других провожают родители, плачут.. А за мною хто буде плакать?.. (*слезы на глазах*). За мною некому було плакать. Я сказала: дядя, проведите меня туда.. шо ж .. як на мост... шо хоть туда проведите. – А шо я помогу тебе, шо проведу?! Нихто мене не проводив. Пошла я сама. Шо уже було там у Сумах... А одягания було!... такого ж горько!.. Не було не одягания, ничего.

06:58 Тода ж не було чемоданов, соседка дала корзинку таку плетену, шо накривалася. И ото яки лахманья вже булы, забрала, и иду. Ну, догнали, пешки йшли, перешли мост. Мост був взорванный, той шо ми ездим теперь як у Шостку едем. Он був подорватый, настил був. Перешли. Много, много людей. Мало того шо те, шо забирали, ну и провожатых много. До Шостки дошли. И от Шостки повели нас на Новгород-Сиверский, тоже пешки. От Новгород-Сиверска, там была станция, но не скажу вам....

08:01 Посадили нас у товарняк, у вагоны такие, як скот возят. Тогда я не була, не бачила вагонов тех и поезда. Потом я стала понимать, что товарник.. Посадили, и повезли. Везли.., несколько раз було что останавливали, останавливали, что б вышли ж уже по нужде. Ну, наши люди выскочать, и где там... поневоле надо ж было.. где попало. Везли, везли... Кто в який вагон сел.. уже ж каждый со своей улицы старались сести девочки вместе.. и везли, мужчин не було, только одни девочки и женщины. Привезли в Германию. Ехали не скажу вам, може, два дня, може й три, бо ж остановки были. Еды нихто ж не давав, потому шо сказали ж еду брать на три дня, пропитание. Шо у кого було, ели.

09:28 Привезли в Германию, из вагонов сошли уже, полицаи ж встретили.. И тут были наши, не под конвоем, а там уже в Германии – полицаи. Дивляться шоб... куда ж

побежиш? И немножко мы прошли, може километр, и лагерь. В лагере – по баракам, команда. Столько-то человек туда... столько туда, уже ж считает там разводящий. Той туда, той туда.. не один же барак там, там бараков... А когда уже вели нас лагерем, так были и военнопленные там, барак був – военнопленных. Кричали плохими словами на нас, «шо, приехали у рай немецкий?!»

— *Наши военнопленные были?*

— **10.40.** Наши, наши военнопленные. «Приехали в рай?». Ну, тогда ж нельзя было ответить: «Ну вы ж нас не защитили!». – «А, добровольцы?!». Они думали, что мы добровольцы. А после этого они узнали, что нам же кожному была повестка. Приехали в рай... Ну в бараке уже переночевали.. Были кровати (койки) двухъярусные, тут одна, а потом наверху другие еще. Тут один человек, а наверху – другой.

11:17 На завтра – на работу. Стали считать, вставайте, аухштейн, аухштейн.. Кто-то побегав, кто-то покричав, и полицаи же ходит, и: «выходь, выходи, выходи..». По три построили, и у завод ведут. Тоже шоб не вышел.. нисколько нельзя, только рядок у рядок иди. А як трошки туды вышел – плетки, поневоле будеш дивитися шоб внутри иди. Ну привели на завод, дали работу, рассказывают то и то.. Сперва я была...: йшов порох, такой як макароны.. их может 20 штукешло, и ты стоиш и дивишся.. там есть белая полосочка.. там на макароне, рядком-рядком, лоточек такой - хватай и выкидай, это брак. Сперва така була работа. Ну, поробили до вечора, пришли в лагерь, команда: берите котелки, идите їсты.

12:52. Ну пришли в столовую. Столовая була, большая столовая. В очередь становимся со своим котелком. А у меня не было котелка, не дали мне, и не было дома.. Это ж не так шо... Да кто там за меня дуже беспокоился.. Так мисочка була, я з мисочкою ходила. Брюква, натертая на бурякову тертушку..не така як у нас на кухне маленька, а така як пороссятам терут, грубые такие. И 200 грам хлеба. Бери и иди з Богом. Ну, те, шо дали из дома сухарей, ну брали, ели.. ще який день-два жили своими харчами.. А тоди ж кончилось..те харчи свои домашние кончились, и .. надо їсты.. Ну, и прошло время, и брукву уже не стали давати, а 200 грам кожен день давали хлеба. Но, еду давали раз у день. Як з роботы пришел, бери мисочку чи котелочек, и иди получай.. И на завтра знов до вечера. Вобщем, в сутки – раз. Ну, довго-довго так длилося.. и шпинат давали тоже.. такой.. як лобода, только шпинат называется, зеленый такой. Но заправки ж ниякой-ниякой. Сама бруква, вода и все.. и хлеба 200 грам скибочка. И уже так...сперва не замечаеш.. не було такой..

— А опосля уже кожен спешил, шоб горбушечка попала. Хлеб резався.. хлеб був кирпичинками такими, и горбушечка уже выходыла вроде больше ж там. Его то не взвешивали там, а хлебину резали на 5 чи на 6 кусочков..а горбушечка то всем не попадет. Проходит время уже, и видно год може прошел.. и я слабею, слабею, и слабею. Чувствую, что уже в умывальник пойду и уже не подужаю и ведра воды поднять. А їсти уже от бруквы той як отвернуло!.. Усе добавку давай... Добавку давали, хто може ще, то и добавку могли дать. Сколько останется, так раздадут добавку. А\ меня отвернуло от той бруквы, ну не могу дивитися, и все. Я пришла в оконце було такое, где уже выдавали в котелок и хлеб тебе ложат. Заведующая столовой була немка, и коло нее була помощник уже, наша, наша даже из села була девочка.

— *Надежда?*

— **16.39.** Нет, Галя. Галя, она из нашего села, ее фамилия Зуй была. Бог ее знае, она вышла не тут замуж, за другого там, уже як мы приехали... Дак она и каже, Вера, а чего ты не береш супу? Ой, кажу, Галя, ну не могу дивитися даже.. А Криста та, ой, вечный покой ей, Кристе той, сидит и каже.. А та Галя уже й умела переводит

некоторые слова.. Криста спрашивает: «А чого паненка не бере супу? Поганий?». А я ж думаю, скажу поганий, и меня бить будут. Я кажу: «Нет, нет, хороший, хороший суп. Ну не хочу...не хочу». Она той Гале каже: «Дайте хлеба ей порцию-другую». Я порцию тую взяла, пришла в комнату в барак, а тут уже у девок негодование: о, ей дак ище, усе будем брать, дак чи нам дадут чи не. Ну я ж не виновата, кажу, девки, ну я ж не виновата. Причем я виновата, что она мне дала? На завтра пошла я знов, и Галя й каже мне:

18:14 сказала Криста, она с кем-то побалакала, что б ты сходила в больницу, там був такой медпункт, и что тебе скажут там, в медпункте. А я кажу, а на работу ж как?.. Не бойся, ничего не будет,- Галя та отвечает. Пошла я в больницу, ничего они мне... только сказали: покажи язык. Я язык показала. Був якийсь серб, што понятно, по-нашему, каже: «Истощение. Направить до хазяина на поправку». Ну, тая Криста знов же каже: «Не ходи на работу, пока тебя не позовутб, до хазяина». – «Там же ж буде полицаи? – Ничого не буде!» Боже ж мой, таки ж є люди, она ж немка! Полицай не приходив ничего, а одного разу приходе, там була така шо звала на роботу, и каже: тебе зовут. Пришли уже за тобою от хазяина, пришли взять рабочих. Прихожу я туды уже, коло столовой, там балкон такой був.

Хазяин тей, куди меня направили не прийшов, а був соседский мальчик. Они сказали ему, кого уже там назначат, того и приведешь нам. Он и себе ж брав, у свой двор работника. Идем мы, идем, недалёко.. Тогда ж я узнала уже, село «Анивольте». Он показывает, той мальчик, по-немецки ж.. шо поймеш, шо не поймеш.. хибя там усе научилися по-немецки разговаривать?.. Показует: ото хазяина двор. А у них дома там, хоч и село, но дома покрыты у всех блискучей черепицей, як зеркало! Такая черепица. А я кажу: ага, ага. Они там все одинаковы, шо там знала.. Прихожу я так до двора, и сюда... Прихожу в двор, встречае девушка, и ведеть меня.. попитала ...каже, показывая на себя: «Анна-Лиза. А ты?». Я кажу: «Вера». Вера, ага. Привели. Это было 4 часа дня, и они саме пили кофе. У них такой.. ранком кофе пють, завтрак, обед, и у 4 часа кофе пьют, а тогда вечеря уже вечером. Они саме пьют кофе, садовят меня сюды. Бачу сидит коло окна мужчина, но в военной форме такой, потом я узнала – это бельгиец, тоже у их був работник, но уже ж робив сколько там, уже був може год. Он отдельно сидит, а меня садовят тут за столом, рядом баба сидит..., баба Лина, дальше хозяйка, там хазяин, дочка.. (показывает рукой) и я за столом. И дают мне пирожное.., (це ж, конечно, уже сейчас и скажут, что ты пропаганду якусь делаешь...) я никогда такого не бачила... Може не надо мне говорить?..

— *Сейчас уже никто не скажет. Это все интересно. Рассказывайте. Уже пропаганда закончилась. Сейчас уже можно все рассказывать.*

— **22.44.** *(Улыбается).* Пирожное лежит такое, что я никогда не бачила.. И коло меня ж баба тут сидит.. И я думаю: я б його, ото что на столе було, я б його все поела! Дак нельзя ж їсти, думаю ж, як я багато поем, они меня выгонят, скажут... Я взяла один кусочек, съела, и все.. А баба сидит..*(показывает- толкает в бок)*, каже на себя: Лина, ты? – Вера. -Вера. Каже: Вера, еж, мол, еж. По-немецки ж каже. Кажут же, что русские едят во!..поскольки, побагато *(показывает)*. - А чего ж ты не ешь побагато? А я: не, не... Ну и все.. Немножко я съела..я ж кажу, шо я б его все поела, шо там було на столе.

— Дуже, дуже запах був. Там у лагере часто была дезинфекция, бо багато було клопов, и запах был.. и мы пропитались уже этим запахом..эти клопы там не выводились никогда. И я так воняла, что.. Я сидела ж у своей одеже. Хазяйка сказала что-то дочке, та побежала, выносит видно свое платье, так подрубила его, бо длинное, больше ростом она, дает мне, и рассказывает: одевай платье. Я платье одела, и все, пошли, каже, работать. Ведуть меня, дают велосипед, и кажут: можеш ехать? Я каже: нет, не умею ездить. Где я там велосипед той бачила?! *(Стесняется)*. На Ивоте-то я бачила, но сколько их було в то время, велосипедов

тех? Ну ладно, веди в руках. Веду в руках. Простите, не так сказала: хазяина не було за столом, як кофе пили. Приходим туда, на площадь. Убираю два коня, великие такие, страх. И хозяин, в жилетке, сорочка белая такая, лляная, и у жилетке. И подходит и каже: «Панянка русская? Украинка?» Я кажу: украинка. А, Украина...И рассказывает: «А я знаю, я в Сибири був, пленный». Он воевал в 1918 году, дак был пленный в России. И рассказывает, что знаю: Украина, печь, показывает – туды (горшки), а потом: «Ком, ком, ком» - назад. У них же нема такого. У них плита була... (*вспоминает, и улыбається...*). Ой, я не лишнее кажу?

— *Нет, нет. Очень интересно. Рассказывайте, Вера Федоровна. Если вам не тяжело, вы не устали, рассказывайте.*

26.15. Немножко постоял, и поехал дальше со своими конями. Он косаркою косил, и косарка такая, что от он лошадыми едет, косарка косит и готовые снопы падають, уже связаны, все. А наша работа була снопы складывать, «у бабки» по-нашему (*показывает руками как складывают снопки: ^*). Ну, постановили снопки.. и хозяйка, и дочка пришла, роблять уси, вси роблять, не так, что меня одну привели. Ну, тогда, уже время вечер, хозяка и пытае: «Коров доить умеешь? – кум милькен?». Показывает, что надо ехать коров доить. Я кажу: «Не умею тоже». Я коров не доила. Ну ладно, пошли. Идем, она едет: калясочка така сзади велосипеда едет, на колесах, и там баллон стоит. И ехать надо туды, где коровы. Приехали туды, это пастбище було. У каждого пастбище, кожному дому – свое пастбище. Тиждень постоят на одном пастбище, перегоняют на другое, и все за огорожею. Коровы стоят у загороди, там пасутся. И вода там, есть такое.. по нашему «желоб», не знаю как там по ихнему. Так корова пасеться, захоче води, подошла напилася. Ну, давай учиться.. давай корову.. показала мени яку корову. Уже опосля я узнала что она яловка була, мало молока. То ж вимя отаке ж во, то меньше молока. Показала мени раз... что отак-отак (*доить*), я одразу схватилася, подоила, и кажу: уже, подхожу до нее, - уже. Она пришла проверила, - да, нема уже молочка, усе я видоїла. Другую.. коров було 12 дойных. Було багато нетелей таких, що ще будуть..., и меньшие теляти.. то отдельно им пастбище було, я не бачила де они паслись, но знаю, что було нетелей багато. Подоили коров. Она ж уже не едет, раз уж я следом иду.. И все-равно, уже каже: велосипед хоть держать учись.. Но, я не садилася нисколько.. Училася я уже потом, меня девки учили.. тоже у хозяинов были, дак учили. Научилася я. В свободное время дают мне велосипед, и они учат меня. Навчилася я. Молоко в бидоне, таком як у нас баллон, в колясочке, и она едет, а колясочка сзади котится. Везе молоко то. Пришли мы домой. Вечера. Поумывалися, все.. Повечеряли, и мне задание: мыть посуд,....

Весь помыть посуд. Такой специальный шкафчик без закрытия, и кожные тарелочки – великие выше, меньшие ниже, и ще ниже ложки, и все-все отдельно. Помыла я, все повытирала. И у кухни убрать – у кухне убрала, убрала я все. Теперь ведут меня, где моя комната, и где спать. Привела, показали мени, оце, каже, спать будеш тут. Одно окно, зеркало... великое зеркало. Там до меня, пока меня взяли, дак была немка, тоже ж така,

служанка була. Ну, немке ж наверно платить надо, а це ж бесплатно... Видно вышел закон такой, что можна брать остарбайтеров.

Показала мне кровать. Подушек там столько!.. Я, думаю, це ж видно кладовая, чи шо, что столько подушек лежит. Великая подушка, потом у головах тоже длинная такая, як две приголовашки, потом еще укрываться подушкою такою.. она легусенькая такая... Я то все в сторонку позлажувала, и так прилягла уже..скраечку, что ж думаю, не дай Бог буду спать, а це ж не так, це ж кладовая, це они не забрали постель... Переспала. Утром рано стукае мне. «Вера, ауштейн, ауштейн». И заглянула...и каже, по немецки ж: «А чого це ти отак?.. це ж отак спать..це ж ложиться отак». А я кажу, что я думала, что це кладовая, да ще буду спать, а це ж не так... Рассказала она мне, ну всьо. Рано это было, и знов коров доить, утром же. Поехали туды, я уже.. як учора две коровы подоила, сегодня вже три. И постепенно-постепенно я... Она проверяла первое время, а потом уже и не проверяла... А робить я старалась, конечно. Хоч и кажут, что на врагов, да на немцев..но, я робить не боялася, не боялася я работы. Робила уже, все что только можно было делать, аби не выгнали уже... Что ж, такой рай попался! Ото уже после работы, як кончиться работа... ой.. (*воодушевленно*) то ж я уже не подужала дышать, а то наче за три дни уже й одужала. Окно открыю, тут яблонька великая... я не надышуся!...воздухом тым.. И так прожила уже все время.. А меня ж направили на несколько месяцев, что б на поправку. Но, так як я работала хорошо, так они обратились в «Артбайзамт», что б я осталася. Кажуть: изнов надо будет учить, пока научиш другого. И я осталася на все время. А тут ище картошку надо было копать. У них картошку копают не лопатою, а таке як великая сапка..и от так отверниш, и дальше, дальше. Травы нема у них, ни в картошке, ни де ничего, сама ботва. И послали меня картошку копать, не послали, а привезли. Вот картошку копать, дали обед, поснидала я, и кофе дали туда, все, что б я.. и будеш робить.. и сама ж я. А картошка отака великая! Что я не бачила на Ивоте наче такой. И чистая така, ни травинки, ничего.. Я так накопала столько! И наверно хозяин приехал по картошку, и рассказал бабе той, своей маме, то мама его была, и рассказал, что я столько накопала картошки, что удивительно!

34:35 Дак, как сели вечерять, так она без конца (*показывает, что баба Лина толкает ее в бок*): «Вера, эссен, эссен! Йо-йо, столько ты картошки накопала!». (*Улыбается*). Картошки, мол, багато накопала. Так робить я не боялася. В воскресенье они всегда ходили в церкву. Баба не ходила, конечно. Дочка тоже, не знаю, чи ходила, не знаю, не буду казать. Бо не было. А они всегда ходили в церкву. А моя работа была: окна чистить, и ложки, и вилки, и ножи, это все-все. Там: вилка, ложка и ножичек – каждому. И пока хозяйка не прийде... Я робила все. Повимиваю, поделаю им там усе, что загадывали, что не загадывали.

35:33 И они довольны мною были, и я ими очень. И сейчас, вечный покой им! Что они так относились. Хозяйка, конечно, була...! Хозяин не такой був.. А хозяйка така, что б дуже усе... Худенькая такая была, белая-белая.

— *Вы в лагерь так и не вернулись, в Штайерберг?*

36.05. Нет, нет. Так продолжала жить, и уже весной... Зима у них дуже теплая, снежок если выпадет, то маленький-маленький и на час, на два. И уже нас освободили американцы. И вот, в одно время, что такое, волнуются... Один раз дав мне хозяин даже послушать Киев. Приемники у них были опломбированы, что б не слухали они. Окна всегда завешивали, бо самолеты летали, дак видно что б свету не видно було. А свет у них, сколько я была, дарма что война была, а свет все время у них был. Хозяин дав раз послушать Киев ... Так я як плакать начала.. Як кричали: «Освобожден Киев!». Ой, я як стала плакать.. Хозяин: иди, каже. И американцы... бачу, шось они дуже встревожены.. Тоди бачу – белый флаг, на воротах, як у дом уходить. Они, значит, капитулировали. Дак, кожен... Американцы все ехали на мотоциклах, больше никак не бачила, а все мотоциклисты. И кажут мне хозяин и хозяйка... Они знали, что у меня нет родителей. Когда я еще в лагере была, получила открытку из дома, что дядю спалили, тетя умерла, все и дом сгорел. Я все им рассказала ж так. И он и каже, хозяин: «Оставайся у нас. При Гитлере хорошо мы жили, а теперь як буде мы ж не знаем як мы будем жить, и все.. Так, что хочеш оставайся, а хочеш – в лагерь». Да куда там оставатся тут! Двор сгорел, но може шось осталося.. У сестры трое детей, мужика тоже убили немцы.

— *А что вы про эту Пашу рассказывали, у которой руки отрезало? Это было, когда вы еще в лагере работали?*

— Да, это было, як в лагере, як в заводе я работала. Я, конечно, в том цехе не работала.

— *Вы слышали?*

— **38.38.** Да. Это на резке она работала. А я ж на цих робила, что оці макароны... Ну, пришли в лагерь, а тут уже ж из того цеха приходят, и каже так-и-так.. Ее разве Паша звали? Нет, Мария. Ну, хай буде Паша.

— *А помните, в лагере, когда вы были, умирали люди?*

— **39.30.** В лагере? Очень часто умирали.

— *Помните кого-нибудь кто умер?*

— Умирали... В нашей комнате не было..Но, мужчин дуже багато умирало. Их возили на коляске, нет не на коляске, постойте, на тележке. На тележку, ни гроба, ничего-ничого. Як ото уже прибрали, ну хто там...друзья.. В комнате живешь, и друзья усе, это ж и друзья. Умирали очень часто.

— *А умирали от чего? Вы знали от чего умирали?*

— **40.17.** От недоедания.

— *От голода, да?*

— Да. Это ж только сказать, работать по 8 часов...нет на 8 идеш... у две смены работали. И раз у день їсты, 200 грамм хлеба. Если бы еда була яка, а то что – баланда.

- *Вы говорили, что на кладбище там были...*
- **40.45.** А.. Ну, то на кладбище мы ходили в выходные.
- *Это было лагерное кладбище?*
- Оно не в лагере, а из лагеря мы собирались с девочкой, она из нашего села була. Не знаю, чи она жива чи нет уже, она вышла замуж не на Ивоте, так я уже и не знаю. Рудченко Надежда была. Мы с нею собрались в одно время, и она каже, пошли Вера побачим на кладбище, мы знали, где кладбище было. Ну, пошли туды на кладбище, не дуже далеко от лагеря. Там железная дорога проходила, трубы якись булы багато.. Но, мы не боялись, пошли да й усе. Ну, булы на кладбище, хрестиков не було нигде, только могилки и все, но сыпучий песок. Дуже-дуже сыпучий песок.
- *А чего вы пошли туды?*
- Посмотреть.
- *Никого из ваших не хоронили, не помните?*
- Нет. Як хоронили, не була ни разу. Не буду казать, не ходила як хоронили.
- *Так это было где-то за железной дорогой, да?*
- **42.06.** Да. Недалеко проходила железная дорога. И трубы там якись такие большие булы. Некоторые...Наш один, из нашего села, утек из лагеря и долго жил в отих трубах. Якие-то великие трубы.
- *А не знаете кто это был? Из Ивота?*
- Из Ивота, да.
- *А не помните кто это был?*
- **42.42.** Помню. Лысенко Антон. Но, его нету в живых уже. Он був... Тоже скажу: як освободили лагерь, уже освободили, американцы, и он таки... Электрокары там булы такие в заводе, что возили порох, усе, и он на таком электрокаре приехал.. у лагере у одного мальчика була моряцкая тельняшка. И он: отдай мне тельняшку. А тот, Вася Кравченко не давал, и Антон его убил. За тую тельняшку, что он не дав. Дак, той Антон, уже як освободили, из Ивота йшов у Шостку, и его наверно подследили хтось из Шкирмановки. Той Вася из Шкирмановки був, село тут коло Шостки, и видно его убили тоже, Антона сего. Он нес вату, дак ватую рот заткнули ще ему..
- *Наши убили?*
- Наши. Наверно ж. Те родители видно, того Васи, Кравченки. Он же то убил хлопця, за тельняжку.
- *А Надежду Матия, помните такую? Надежда Матия из Ивота. Она тоже была в лагере.*
- **44.33.** Нет. Из Ивота? Матий у нас нет... Мацой може? Матий не було.
- *А была Надежда Мацой?*
- Надежда – нет, а Татьяна Мацой была.
- *То Надежда Рудченко про нее рассказывала.*
- Да, Рудченко Надежда была.

- *Так вот, она рассказывала про Надежду Матию. И тоже, вроде- бы, из Ивота была. А Веру Демидову помните из Ивота?*
- Веру Демидову..... (обрывается запись)